

Ильина Е. Н. Сказка о Верлиоке в речевой культуре Белозерья и в репертуаре языковой личности / Е. Н. Ильина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 220—236. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-220-236.

Ilyina, E. N. (2023). Tale of Verlioka in Speech Culture of Belozerye and in Repertoire of Language Personality. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 220-236. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-220-236. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-220-236

Сказка о Верлиоке в речевой культуре Белозерья и в репертуаре языковой личности

Ильина Елена Николаевна
orcid.org/0000-0002-1797-8959
ResearcherID: AAD-2733-2019
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русского языка, журналистики
и теории коммуникации
filfak@list.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Tale of Verlioka in Speech Culture of Belozerye and in Repertoire of Language Personality

Elena N. Ilyina
orcid.org/0000-0002-1797-8959
ResearcherID: AAD-2733-2019
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language,
Journalism and Communication Theory
filfak@list.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

© Ильина Е. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению речевой культуры европейского Севера России. Исследуются записи сказки о Верлиоке, сделанные в Белозерье со слов одного информанта с разницей в двадцать лет. Рассматриваются условия бытования сказки, жанровая принадлежность, организация сюжета, композиционное членение, языковая специфика. Доказывается, что каждый из вариантов воспроизводит один и тот же сюжет сказки о Верлиоке. Показано, что этот персонаж, *маргинальный и имеющий весьма размытые характеристики на восточнославянской территории* (О. А. Черепанова), является антагонистом главного персонажа, отличается аномальностью / моноструктурностью строения тела (наличие только одного глаза) и людоедством. Отмечается, что при всех текстовых расхождениях сюжет строится вокруг вредительства и его ликвидации с помощью волшебных помощников главного героя (*верёвочка / пояс, жёлудь, палочка*), в столкновении с антагонистом проявляющих свои чудесные свойства. Автор делает вывод, что языковые особенности записей сказки определяются территориальной спецификой речи рассказчика и его стремлением развлечь собеседников (в первом варианте записи) или максимально полно отразить воспоминания о своей семье и родной деревне (во втором варианте).

Ключевые слова:

диалектология; лингвофольклористика; севернорусские говоры; языковая личность; Верлиока.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the speech culture of the European North of Russia. Records of the tale of Verlioka, made in Belozerye, from the words of one informant twenty years apart, are being investigated. The conditions of existence of fairy tales, genre affiliation, plot organization, compositional structure, language specifics are considered. The conditions of fairy tales existence, genre affiliation, plot organization, compositional structure, language specifics are considered. It is shown that this character, *who is marginal and has very blurred characteristics in the East Slavic territory* (O. A. Cherepanova), is the antagonist of the main character, differs in the abnormality / monostructure of the body structure (the presence of only one eye) and cannibalism. It is noted that with all the textual discrepancies, the plot is built around the destruction and its elimination with the help of the main character's magic helpers (*rope / belt, acorn, wand*), which in a collision with the antagonist show their miraculous properties. The author concludes that the linguistic features of the fairy tale records are determined by the territorial specificity of the storyteller's speech and his desire to entertain the interlocutors (in the first version of the record) or to reflect the memories of his family and his native village as fully as possible (in the second version).

Key words:

dialectology; linguistic folklore; Northern Russian dialects; language personality; Verlioka.

Сказка о Верлиоке в речевой культуре Белозерья и в репертуаре языковой личности

© Ильина Е. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Архив записей русских народных сказок, в разное время зафиксированных на территории Вологодской области, достаточно обширен и весьма обстоятельно прокомментирован российскими фольклористами [Бурцев, 1895; Шустиков, 1895; Едемский, 1912; Соколовы, 1915; Сказки и песни Вологодской области, 1955; Иваницкий, 1960; Народное устно-поэтическое творчество, 1965; Устное народное творчество Вологодского края, 2002; Вологодские сказки, 2008 и др.]. Среди записанных на этой территории сюжетов обращает на себя внимание один, в центре которого оказывается персонифицированный образ мирового зла, называемый, как правило, «говорящими» именами: *Лихо (Одноглазое)* и *Горе (-Злосчастие)*. Носитель зла может быть назван также словом с неясной внутренней формой *Верлиока*, однако сказки про Верлиоку фиксируются на весьма отдалённых от Вологодского края территориях современной Беларуси [Добровольский, 1891, с. 152—153] и Смоленской области Российской Федерации [Афанасьев, 1958, т. II, с. 427—430] (В малороссийских сказках этот персонаж именуется *Довгомуд* [Чубинский, 1878, с. 95—97], *Довгомудык* или *Тхир* [Манжура, 1890, с. 1]; сходные характеристики имеет также персонаж *Черная Кожа* в сказке, записанной Д. К. Зелениным в Вятской губернии [Зеленин, 1915, с. 285]). Тем любопытнее было обнаружить этот сюжет в западной части Вологодской области, на территории исторического Белозерья, причём нам удалось получить запись сказки о Верлиоке дважды: наш постоянный информант Николай Павлович Шабров, 1938 года рождения, уроженец деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области, в 1993 году рассказал её студентам — участникам диалектологической экспедиции, а через двадцать лет включил в один из своих рассказов-воспоминаний, посвящённых родной деревне и старшим поколениям своей семьи. Таким образом, мы имеем возможность сравнить два варианта одной сказки, обращая внимание на решение субъектом речи разных коммуникативных задач, комментируя жанровую, сюжетно-фабульную, персонажную и речевую специфику каждого из имеющихся вариантов, а также обращая внимание на особенности индивидуально-авторской репрезентации сказочного сюжета.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Описание сюжета сказок о Верлиоке, зафиксированное указателем сказочных сюжетов (сюжет 210*=AA, 210*B), включает в себя имя главного персонажа: *Верлиока* (медведь и др.), его антагониста (*старик*), его волшебных помощников (*селезень, рак, верёвочка, жёлудь*) и описание ключевого действия (наказывают Верлиоку за смерть старухи и внучки) [Сравнительный указатель ..., 1979]. Верлиока характеризуется маргинальностью телосложения (огромный рост и наличие только одного глаза) и поведения (агрессивность, похищение людей и людоедство); его место проживания удалено от человеческого жилья (избушка в глухом лесу), но устроено по человеческому образцу (дом с дверями и окнами, кухней, очагом, кухонной утварью, горницей и местом для сна); в схватке с ним победа может быть одержана исключительно хитростью и при помощи волшебных помощников, которыми чаще всего становятся одушевлённые предметы (среди них, как правило, упоминаются *верёвочка* и *жёлудь*), играющие решающую роль в пленении и ослеплении сказочного чудовища. Сюжет о Верлиоке традиционно рассматривается в составе комплекса сказок о домашних животных: *Страшное чудовище Верлиока убивает старуху и внучку. Старик отправляется к нему в избушку наказать его. Старика помогают селезень, веревочка, колотушка и желудь. Они уничтожают Верлиоку* [Пропп, 1958, с. 462]. Комментируя этот сказочный сюжет, исследователь духовной культуры Русского Севера О. А. Черепанова соотносит Верлиоку с межэтническим образом Циклопа, поддерживая предположение Н. А. Иваницкого о гендерном параллелизме образов Верлиоки и Бабы-Яги, а также рассматривая Верлиоку как одно из возможных воплощений Лешего [Черепанова, 1982; Черепанова, 1996; Черепанова, 2005 и др.]. Автор обращает внимание на локализацию записей сказки о Верлиоке преимущественно в западной части Восточной Славии при наличии типологических параллелей образу одноглазого великана в песенном фольклоре и несказочной прозе Русского Севера: *Тихо-тихо-тихо-тихо, / По деревне ходит Лихо / Одноглазенькое* (волог.) [Черепанова, 2005, с. 129]. Среди различных этимологий имени сказочного злодея: от коми-зырянского *вэр* «лес» и *лока* «злой» и германского *Warlock* «одно из именовании дьявола» до восточнославянского, ср. *варлеокий* «большеглазый», *верлиокий* «косой, поворачивающий во все стороны глазами», восходящих к *око* 'глаз' в сочетании с общеславянским процессуальным корнем *-ver- // *-vьr- с семантикой вращения, — автор отдаёт предпочтение последней, обращая внимание на семантический параллелизм с греческим именованием типологически сходного с Верлиокой существа Циклопа (Киклопа) [Черепанова, 2005, с. 131].

Имеющийся в нашем распоряжении текстовый материал (два варианта сказки о Верлиоке) был получен непосредственно автором данной статьи — в беседе с жителями деревни в условиях диалектологической экспедиции в деревню Борбушино Кирилловского района Вологодской области студентов и преподавателей Вологодского государственного педагогического института при участии студентов Института славистики Бохумского университета (Германия) в 1993 году, а также в процессе сбора материала, характеризующего языковую личность уроженца Кирилловского района Вологодской области Николая Павловича Шаброва, 1938 года рождения, который по нашей просьбе в течение примерно трёх лет (2011—2014 годы) вёл записи своих воспоминаний о родной деревне, семье, работе и пр., не будучи ограниченным ни во времени ведения записей, ни в выборе тем, персоналий, проблем и характера их описания [Ганичева, 2016; Ганичева, 2019 и др.]. Будучи по роду своей деятельности (пилот гражданской авиации, инженер, выпускник Московского авиационного института) далёким от сферы гуманитарного знания в целом и от фольклористики в частности, он не пользовался, насколько мы могли наблюдать, никакими сопоставительными источниками для верификации каких-либо представляемых в воспоминаниях данных, однако стремился максимально точно и подробно охарактеризовать описываемые им события и явления, упоминаемых в рассказах людей и животных.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Сравнительный анализ записанных нами вариантов сказки о Верлиоке включает в себя, во-первых, описание ситуации записи сказки с учётом разных коммуникативных задач субъекта речи, во-вторых, комментариев к её сюжетной организации и системе персонажей, а в-третьих, характеристику лингвистических особенностей, определяемых пространственной локализацией, личностными особенностями информанта и иными факторами.

3.1. Запись сказки 1993 года

Первый вариант сказки был записан во время одной из затянувшихся бесед со студентами-диалектологами. Н. П. Шабров предложил послушать сказку, переключая внимание собеседников и давая возможность отдохнуть от интенсивного общения своей матери Анне Алексеевне Шабровой / Татауровой, 1911 года рождения, одному из наших основных информантов в экспедициях 1988—2000 годов: *Мама, кончай про Лешего, иди-ко полежи! А вы, ребята, сказку про Верлиоку знаете? Дак я вам расскажу...* Наш собеседник рассказал эту сказку малознакомым молодым людям от своего имени с целью развлечь их и поменять тему беседы, заменить пожилую женщину в ситуации утомительного для неё многочасового диалога.

Жили-были дед да баба. Была у них внучка Маша. Раз весной посеял дед горох около леса. Хороший был горох. Радовался дед, радовалась баба, а внучка всё горох щипала. Однажды прибежала она и говорит: «Кто-то щиплет наш горох. Надо посмотреть». Сказала бабка: «Мы пойдём со внучкой караулить». А дед остался дома. Утром нет старухи с внучкой. Дедушка забеспокоился и сам пошёл в поле. Приходит и кричит: «Где ты, старая? Почему домой не идёте?» Никто не откликается. А горох весь помят, на земле огромные следы. Дедушка очень удивился, почему такие огромные следы. Удивился, пошёл домой, взял топор, вернулся обратно в поле и собирался идти дальше, куда следы шли. На дороге попалась верёвочка. Сказал ей дедушка: «Верёвочка, верёвочка! Ты не видела, куда пропали мои бабушка и внучка?» — «Видела, — отвечает верёвочка, — их Верлиока унёс в большой корзине. Возьми меня с собой!» Дедушка и взял — положил в карман.

Идёт дальше дедушка. Видит — лежит на дороге жёлудь. Говорит ему дедушка: «Жёлудь, жёлудь! Не видел, куда Верлиока утащил бабушку и внучку?» «Видел, — говорит жёлудь, — он мимо проходил, сорвал меня с ветки, на дорогу бросил. Возьми меня с собой! Что мне засыхать?». Дедушка и жёлудь положил в карман.

И всё идёт по следам. Топор воткнут за поясом. Вдруг, уже глубоко в лесу, увидел огромную избу. Следы привели его к ней. Зашёл дедушка в избу и увидел, на полатах в корзине сидят бабушка, внучка и плачут, конечно. Большие никого в избе нет. Дедушка говорит им: «Почему вы в корзине?». Бабушка отвечает ему: «Пришёл Верлиока и захотел нас съесть. Сейчас за дровами ушёл, но скоро снова придёт». Дедушка освободил их, все спрятались. Вдруг верёвочка: «Положи меня на порог!». А жёлудь залез в кашу, которая стояла на столе (Верлиока ест не только людей, но и кашу).

Тут и Верлиока с дровами приходит. Вдруг из каши раздаётся голос жёлудя: «Пик-пик-пик. Пришли Верлиоку бить!». Верлиока оглянулся и говорит: «Замолчи, каша! Вилью за окошко!». А жёлудь опять: «Пик-пик-пик. Пришли Верлиоку бить!». Верлиока опять: «Замолчи, каша! Вилью за окошко!». Тут жёлудь опять за своё. Рассердился Верлиока и вылил кашу за окошко. А жёлудь не зевал — выскочил ему прямо в глаз (у Верлиоки только один глаз был). Рассердился Верлиока и стал по избе бегать. Тут верёвочка ему ноги запутала, он и упал.

Вышел дед и говорит: «Ах, Верлиока! Зачем унёс бабушку и внучку? Хотел съесть их?» «Я больше не буду!» — заплакал Верлиока. «Больше не ходи на горох!» — предупредил дедушка, вынул из глаза жёлудь, простил Верлиоку и пригласил на обед.

С тех пор подружился Верлиока с семьёй, стали они поживать да горох наживать.

Как мы можем убедиться, в этом варианте сюжет сказки о Верлиоке вполне узнаваем, в ней действует привычная система персонажей: главный герой — пожилой человек мужского пола (*дедушка*), его антагонист (одноглазый великан-людоед *Верлиока*), похитивший младших или более слабых родственников героя (*бабка* и внучка *Маша*), а также волшебные помощники (*верёвочка* и *жёлудь*). Композиционно группируясь вокруг *вредительства* (порча посевов гороха и похищение людей) и *его ликвидации* (их возвращение в результате нападения на Верлиоку в его лесном доме), сказочный сюжет являет собой традиционный комплекс сказочных мотивов, отличаясь, пожалуй, лишь специфичностью завершения, невозможного при каноническом воспроизведении сюжета о Верлиоке (побеждённый Верлиока раскаялся, был прощён и приглашён к людям). В тексте сказки можно наблюдать устойчивые речевые формулы: инициальные («*жили-были дед да баба*»), финальные («*стали поживать да ... наживать*»), а также неоднократно повторяемые реплики диалога героя с волшебными помощниками (*Видит — лежит на дороге жёлудь. Говорит ему дедушка: «<...> Не видел, куда Верлиока утащил бабушку и внучку?» — «Видел, — говорит жёлудь, — <...> Возьми меня с собой!*») и Верлиоки с жёлудем, который спрятался в каше: «*Пик-пик-пик. Пришли Верлиоку бить!*». *Верлиока оглянулся и говорит: «Замолчи, каша! Вылью за окошко!»*. Запись текста не даёт возможностей обнаружить специфические черты, свойственные информанту, речь которого имеет севернорусскую диалектную основу (подробнее об этом: [Ганичева, 2015]), какие-либо фонетико-акцентологические, лексические и грамматические особенности белозерско-бежецких говоров. Однако обращает на себя внимание стремление информанта к точности в деталях (*Верлиока ест не только людей, но и кашу*), эксплицитированное в форме вставных предложений: *А жёлудь не зевал — выскочил ему прямо в глаз (у Верлиоки только один глаз был)*.

3.2. Запись сказки, опубликованная в 2014 году

Второй вариант сказки о Верлиоке включён в рассказ Н. П. Шаброва о его бабушке и опубликован в 2014 году в монографии, посвящённой речевой культуре жителей Белозерья [Народная речь ..., 2014, с. 146—148]. Сказка о Верлиоке представлена со слов его неграмотной бабушки Парасковьи Наумовны Шабровой / Масловой, крестьянки, 1880 года рождения, уроженки деревни Емишова Кирилловского района Вологодской области. Характеризуя свою бабушку как человека нелёгкой судьбы, большую труженицу и добрую заботливую женщину, информант вспоминает её талант рассказывать сказки, подтверждая свои слова текстом одной из бабушкиных сказок:

На Новочистках, в Маленьком выгону, назрело много земляники. А землянику все любят: и дети, и взрослые, и собаки, и скотина, и Верлиока. Кто такой Верлиока? Да это хозяин леса, вроде медведя, а похож на человека, только большой, ростом с большую ёлку. У него две ноги, две руки, большая голова и огромный живот. На голове уши, рот, нос и один глаз посредине лба. А ест он всё, что найдёт в лесу. И дом у него есть в глухом месте, только этого дома никто не видал. Может, кто и видал, да только этих людей потом не находили. Видно, их съедал Верлиока. Но мне моя бабушка рассказывала, что дом Верлиоки она всё же видела и сумела спастись. А дело было так.

Значит, на Новочистках назрело много земляники. И собрались ребята её собирать. Взяли корзиночки, каждый взял палочку, чтобы проверять, нет ли у земляники змей, и отправились. А моя бабушка, она тоже была маленькой девочкой, тоже пошла вместе с братом. Пришли в глухое место, увидели много ягод и разбрелись все в разные стороны. Потом стали собираться, а бабушки моей нет. Поискали — не нашли, и пошли в деревню за помощью. А брат остался. Посмотрел вокруг себя, видит: лежит её палочка. «Палочка-палочка, — спрашивает, — а где Анюта?». А палочка и говорит: «Собирали мы ягоды, да вдруг появился лесной хозяин с огромным пестерём, схватил Анютку за курточку, посадил в пестерь, а сам говорит: “Вот теперь у меня еда на ужин есть”. Девочка испугалась, меня — палочку — выронила. Вот упала я на землю и лежу. Хочу с тобой идти искать мою хозяйку».

Поднял мальчик палочку и пошёл по следам лесного хозяина. Идёт и видит: лежит сестрин поясок на дороге. Это, верно, сестрица бросила, чтобы её искать сподручнее. Взял он поясок, пошёл дальше по следам Верлиоки. Видит: на земле в грязи лежит жёлудь. «Что же ты тут валяешься, жёлудь?» — спрашивает братец. «Верлиока меня сорвал с ветки незрелым, вот теперь я не стану деревцем, а просто помру». Взял мальчик жёлудь, обтёр, положил в карман и пошёл дальше сестрицу искать.

Долго ли, коротко ли, пришёл он к дому Верлиоки. Видит: дверь не заперта, девочка в пестере у двери стоит, печь топится. А Верлиоки нигде нет: за водой ушёл. Хотел было брат сестру с собой увести — вдруг зашумел лес: Верлиока идёт. Спрятался братец под крыльцо, палочка за пестерь, поясок под порог, а жёлудь спрятался в кашу, что стояла у окна на столе.

Зашёл в дом Верлиока, посмотрел в пестерь — там ли девочка, прошёл в горницу, сел к столу и только захотел каши зачерпнуть, как оттуда тоненький голосок раздаётся:

— Пик-пик-пик, пришли Верлиоку бить!

— *Замолчи, каша, — говорит Верлиока, — вылью за окошко!*

А из каши опять голос:

— *Пик-пик-пик, пришли Верлиоку бить!*

Рассердился Верлиока, выплеснул кашу, а жёлудь выскочил да прямо ему в лоб попал, да скатился со лба и уколол Верлиоку прямо в глаз. Заревел Верлиока, слеза у него пошла. Побежал глаз промыть к ведру, да споткнулся о поясок, что лежал у порога, а палочка как стукнет его по носу! Упал Верлиока, опрокинул пестерь, в котором сидела девочка. Выскочила Анютка, братик её схватил, помчались они прочь от этого страшного Верлиоки. Хотел было тот за ними погнаться, да не тут-то было: жёлудь крепко засел у него в глазу.

А поясок и палочку дети не забыли, в деревню принесли и всем показывали, говорили, как те их выручили. Поясок и палочка очень гордились и долго с детьми жили. Пока не состарились.

В данном варианте мы можем наблюдать факт жанровой контаминации: начало текста строится по образцу былички, рассказывающей о встрече жителя деревни с мифологическим персонажем, по своим характеристикам весьма напоминающим *Лешего* (*хозяин леса вроде медведя, а похож на человека, только большой, ростом с большую ёлку; ест всё, что найдёт в лесу; дому него есть в глухом месте и др.*). Для большей достоверности сообщаемого рассказчик использует знакомые слушателям названия местности (*Новочистки, Маленький выгон*), детализирует её описание (*На Новочистках, в Маленьком выгону, незрело много земляники*), вводит в качестве персонажей известных ему людей (*Но мне моя бабушка рассказывала, что дом Верлиоки она всё же видела и сумела спастись*). Возможно, поэтому героем сказки, спасителем девочки Анюты (реальное имя старшей родственницы), становится не старик, как в большинстве вариантов сказки о Верлиоке, а её брат. Переход к сказочному повествованию анонсируют речевая формула *«А дело было так»* и повтор информации о *земляничных местах* возле деревни, определяющей отправную точку развития сказочного сюжета. Земляника как причина появления Верлиоки возле человеческого жилья не фигурировала ни в одном из ранее зафиксированных вариантов сказки. Сказочного злодея, как правило, привлекает *горох* [Афанасьев, 1957, т. II, с. 337; Добровольский, 1891, т. I, с. 152], упоминаются также *репа* [Чубинский, 1878, с. 95], *куры* [Манжура, 1980, с. 1], *лыко* [Зеленин, 1915, с. 285]. В сравнении с предыдущим вариантом сказки публикация 2014 года характеризуется большей полнотой и обстоятельностью. Это касается и описания действий фоновых персонажей (например, сбора детей за земляничной накануне обнаружения вредительства: *взяли корзиночки, каждый взял палочку, чтобы проверить, нет ли у земляники*

змей, и пошли), и словесного наполнения вопросно-ответных формул в ситуации встречи героя с волшебными помощниками («Палочка-палочка, — спрашивает, — а где Анютка?». А палочка и говорит: «Собирали мы ягоды, да вдруг появился лесной хозяин с огромным пестерём, схватил Анютку за курточку, посадил в пестерь, а сам говорит: “Вот теперь у меня еда на ужин есть”. Девочка испугалась, меня — палочку — выронила. Вот упала я на землю и лежу. Хочу с тобой идти искать мою хозяйку»), и вербализации кульминационного события — ликвидации вредительства в борьбе с антагонистом главного героя (Рассердился Верлиока, выплеснул кашу, а жёлудь выскочил да прямо ему в лоб попал, да скатился со лба и уколол Верлиоку прямо в глаз. Заревел Верлиока, слеза у него пошла. Побежал глаз промыть к ведру, да споткнулся о поясок, что лежал у порога, а палочка как стукнет его по носу! Упал Верлиока, опрокинул пестерь, в котором сидела девочка. Выскочила Анютка, братик её схватил, помчались они прочь от этого страшного Верлиоки. Хотел было тот за ними погнаться, да не тут-то было: жёлудь крепко засел у него в глазу), и мн. др. Обращает на себя внимание использование рассказчиком эмоционально и экспрессивно окрашенной лексики, называющей персонажей сказки (ребятишки, сестрица, Анютка, братец, братик, палочка, поясок и др.) и характеризующей упоминаемые в ней предметы (тоненький голосок, огромный пестерь и др.), а также эксплицирующей экспрессивность совершаемых действий (схватил, валяешься, выплеснул, попал прямо в лоб, как стукнет, выскочила, помчались прочь и др.). При этом речевая формульность сохраняется рассказчиком преимущественно в репликах диалога (Пик-пик-пик, пришли Верлиоку бить! — Замолчи, каша, — говорит Верлиока, — вылью за окошко!). В отличие от первого варианта сказки сюжет её завершается бегством детей из жилища Верлиоки и похвалой волшебным помощникам, которые остаются жить рядом с людьми: Хотел было тот за ними погнаться, да не тут-то было: жёлудь крепко засел у него в глазу. А поясок и палочку дети не забыли, в деревню принесли и всем показывали, говорили, как те их выручили. Поясок и палочка очень гордились и долго с детьми жили. Пока не состарились. Орфографическая запись текста, как и в предыдущем случае, не позволяет в полной мере выявить диалектные особенности речи рассказчика, однако её частично детерминируют упоминания локальных микротопонимов (Новочистки, Малый выгон — именованья безлесных возвышенностей в окрестностях деревни Борбушина; вряд ли события, реально происходившие в жизни старших родственников информанта, могли быть в этих местах, так как деревня Емишово, родина его бабушки П. Н. Масловой, находится не менее чем в двадцати километрах от упоминаемых возвышенностей) и местное название пестерь ‘заплет-

ный короб из лыка, бересты или корней’, фиксируемое преимущественно в севернорусских говорах [СРНГ, т. 26, с. 311] и практически повсеместно представленное на территории Вологодской области [СВГ, т. 7, с. 49—50].

3.3. Сходства и различия двух вариантов сказки

Сопоставление двух вариантов сказки о Верлиоке дало возможность, во-первых, подтвердить её бытование на территории Белозерья в сказительской традиции XX века, а во-вторых, выявить значимые для интерпретации данной сказки жанровые, сюжетные, персонажные и языковые особенности.

Коммуникативная ситуация. Выбор сказки о Верлиоке в каждой из описанных коммуникативных ситуаций определялся самим информантом, но так или иначе был связан с воспоминаниями о мифологических персонажах, живущих в лесу. Информант предлагал свой рассказ широкой, локально не детерминированной аудитории (в 1993 году — студентам-диалектологам, в 2014 году — читателям монографии и электронного словаря), поэтому локализмы в обоих вариантах сказки сведены к минимуму. Рассказчик максимально стремится избежать описания жестокости в характеристике персонажей и их поступков. Вредоносные действия Верлиоки ограничиваются описанием порчи посевов (*А горох весь помят, на земле огромные следы*), похищением людей (*Верёвочка, верёвочка! Ты не видела, куда пропали мои бабушка и внучка? — Видела, — отвечает верёвочка, — их Верлиока унёс в большой корзине*) и упоминанием возможности их съесть (*Может, кто и видал, да только этих людей потом не находили. Видно, их съедал Верлиока*). В свою очередь герой, освобождающий пленников, либо прощает злодея и облегчает его страдания (*«Больше не ходи на горох!» — предупредил дедушка, вынул из глаза жёлудь, простил Верлиоку и пригласил на обед*), либо спасается бегством (*Выскочила Анютка, братик её схватил, помчались они прочь от этого страшного Верлиоки*), после чего счастливо живёт в окружении своих помощников.

Сюжет и система персонажей. Оба варианта сказки о Верлиоке, общие Н. П. Шабровым, достаточно далеки в сюжетном отношении от ранних записей, сделанных на более южных и западных территориях Восточной Славии. При этом вариант 1993 года представляется наиболее сохранным: в нём фигурирует традиционный для этого сюжета набор персонажей (*Верлиока, старик* и его близкие: *бабка и внучка, помощники: верёвочка и жёлудь*), а также называется исходная причина обнаружения вредительства (порча посевов *гороха*), однако в финале сказки главного антагониста прощают, приглашают в дом и налаживают с ним добрососедские отношения (*«Больше не ходи на горох!» — предупредил дедушка, вынул из глаза жёлудь, простил Верлиоку и пригласил на обед. С тех пор*

подружился Верлиока с семьёй, стали они поживать да горох наживать). Вариант 2014 года, дополняя рассказ информанта о своей семье и «малой родине», модифицируется с целью приближения его к реалиям деревенского детства — об этом свидетельствует введение в текст микротопонимов и личных имен старших родственников (*Новочистки, Малый выгон, Анюта*), подробных описаний типичных занятий деревенских детей (*поход в лес за земляничкой*). В сюжетном отношении здесь можно обнаружить контаминацию со сказкой о похищении детей лесным хозяином (*медведь, баба-яга* и др.) и их чудесном избавлении с помощью волшебных предметов (см., например, 313 I [Андреев, 1929, с. 28]) или взаимодействие с мотивом похищения девушки *медведем / лесным хозяином* [Гура, 1997, с. 167—168]. Об этом свидетельствует, во-первых, передача функций главного героя *брату* девочки (во всех других записях сказки о Верлиоке это *старик*), а во-вторых, *бегство* детей из логова злодея в финале повествования (вместо уничтожения главного антагониста и разграбления его жилища в раннее известных записях сказки о Верлиоке [Афанасьев, 1958, т. II, с. 427—430; Добровольский, 1891, с. 152—153 и др.]). В качестве волшебных помощников главного персонажа выступают одушевлённые предметы: *палочка*, с которой девочка собирала землянику (в варианте 2014 года), *верёвочка / поясок*, а также — в обоих вариантах — храбрый *жёлудь*, предпочитающий героический поход бессмысленному увяданию. В связи с этим нам представляется не вполне уместным рассматривать сказку о Верлиоке в ряду *сказок о домашних животных*, как это делалось ранее [Андреев, 1929, с. 22; Пропп, 1958, с. 462 и др.]. Как отличительные черты облика главного антагониста Верлиоки в обоих вариантах сказки информант выделяет *высокий рост и массивное телосложение*, наличие только *одного глаза и всеядность*, в том числе *каннибализм*.

Особенности речи. Имеющиеся в нашем распоряжении сказки о Верлиоке фиксировались по воспоминаниям одного информанта — уроженца типичной деревни на территории исторического Белозерья, диалектную основу речи которого составляют севернорусские белозерско-бежецкие говоры. В первом случае студенты-диалектологи делали орфографическую запись устного исполнения сказки Н. П. Шабровым, во втором случае он сам воспроизводил её по памяти внутри рассказа-воспоминания. Поэтому вполне закономерно, что синтаксическая организация текста, его объем, детальность описания отдельных мотивов и персонажей во многом определяют выбор устной или письменной формы речи. При этом можно выделить и индивидуально-авторские особенности воспроизведения сказки. Так, обращает на себя внимание обстоятельность, детальность характеристики встреченных по дороге помощников, в первую очередь *жёлудя*, которому

отведена решающая роль в кульминационной схватке с противником. Во-первых, информант подчёркивает плачевное положение жёлудя, сорванного Верлиокой и брошенного на дорогу: а) *Видит — лежит на дороге жёлудь <...> он мимо проходил, сорвал меня с ветки, на дорогу бросил. Возьми меня с собой! Что мне засыхать?;* б) *Видит: на земле в грязи лежит жёлудь <...> Верлиока меня сорвал с ветки недозревшим, вот теперь я не стану деревцем, а просто помру.* Во-вторых, сходным образом описывает ослепление Верлиоки жёлудем: а) *Рассердился Верлиока и вылил кашу за окошко. А жёлудь не зевал — выскочил ему прямо в глаз;* б) *Рассердился Верлиока, выплеснул кашу, а жёлудь выскочил да прямо ему в лоб попал, да скатился со лба и уколол Верлиоку прямо в глаз.* Наконец, практически слово в слово информант воспроизводит в обоих вариантах диалог жёлудя с Верлиокой: — *Пик-пик-пик, пришли Верлиоку бить!* — *Замолчи, каша,* — *говорит Верлиока,* — *вылью за окошко!* На фоне воспроизведения типичных для сказочного повествования речевых формул (*жили-были дед да баба; долго ли, коротко ли* и др.) обращают на себя внимание также и случаи их ситуативной модификации: *стали они поживать да горюх наживать.* Эти наблюдения вполне соотносятся со сделанными ранее выводами о том, что личность нашего информанта имеет диалектную речевую основу и может быть определена как локально детерминированная креативная языковая личность.

4. Заключение

Таким образом, сделанные нами записи сказки о Верлиоке подтверждают бытование на северо-западе Европейской части России одного из древнейших сказочных сюжетов. Ранее зафиксированный в Восточной Украине и Белоруссии, на Смоленщине и (с заметными изменениями) в Вятском крае, этот сюжет вполне ожидаемо нашёлся «между этими территориями», в Белозерье. Сказка о Верлиоке, весьма условно причисляемая составителями указателей сюжетов к числу *сказок о животных*, по набору мотивов и характеру ключевого конфликта (вредительство и его ликвидация с помощью чудесных помощников) в записанных нами вариантах может быть отнесена к числу *волшебных сказок*.

В сказительской практике оба варианта сказки о Верлиоке обнаружались в окружении малых жанров бытовой несказочной прозы — *быличек* и *бывальщин*, повествующих о встречах деревенских жителей с *Лешием*. *Верлиока*, одноглазый великан-людоед, побеждаемый деревенскими жителями и их волшебными помощниками, в сознании деревенских жителей и мыслится как *хозяин леса*: живущий в лесу человек огромного роста, обнаруживающий сходство с медведем, характеризующийся всеядностью и аномальностью телосложения.

По сравнению с более ранними записями сказки о Верлиоке зафиксированные нами варианты лишены «кровожадности» архаического конфликта (гибель старухи, внучки и, наконец, Верлиоки), адресованы слушателю / читателю младшего возраста, не входящему в «ближний круг» сказителя. Можно предположить, что здесь находит отражение как модификация традиционного сюжета в относительно новых условиях его бытования, так и индивидуальные особенности речи нашего информанта.

Источники и принятые сокращения

1. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / Н. П. Андреев. — Ленинград : Издание Государственного русского географического общества, 1929. — 120 с.
2. Афанасьев, 1958 — *Народные русские сказки* А. Н. Афанасьева в 3 т. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. — Т. 1—3.
3. Бурцев, 1895 — *Деревенские сказки крестьян Вологодской губернии* / сост. и изд. А. Бурцев. — Санкт-Петербург, 1895. — 330 с.
4. Вологодские сказки, 2008 — *Вологодские сказки конца XX — начала XXI века* / сост. Т. А. Кузьмина. — Воскресенское : Департамент культуры Вологодской области ; Межпоселенческий центр традиционной народной культуры Череповецкого муниципального района, 2008. — 307 с. — ISBN 5-94022-023-1.
5. Ганичева, 2015 — *Ганичева С. А.* Материалы к словарю уроженца Кирилловского района Вологодской области [Электронный ресурс] / С. А. Ганичева. — 2015. — Режим доступа : <https://isign.vogu35.ru/dict/index.htm> (дата обращения 23.09.2022).
6. Добровольский, 1891 — *Смоленский этнографический сборник* / сост. В. Н. Добровольский // Записки Императорского русского географического общества. — Санкт-Петербург : Типография Е. Евдокимова, 1891. — Ч. 1. — Т. XX. — 808 с.
7. Едемский М. Б. Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде в 1905—1908 гг. / М. Б. Едемский // Живая старина. — 1912. — Выпуск 2—4. — С. 211—258.
8. Зеленин, 1915 — *Великорусские сказки Вятской губернии* : сборник / Д. К. Зеленин // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. — Санкт-Петербург : Типография А. В. Орлова, 1915. — Том XLII. — 682 с.
9. Иваницкий, 1960 — *Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии* / Подготовка текстов, вступит. Статья и примеч. Н. В. Новикова. — Вологда : Вологодское книжное издательство, 1960. — 232 с.
10. Манжура, 1890 — *Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Манжурыю*. — Харьков : Типография К. Счасни, 1890. — 198 с.
11. Народная речь, 2014 — *Народная речь Вологодского края* : говоры Кирилловского района Вологодской области : монография / С. А. Ганичева, Ю. Н. Драчева, Е. Н. Ильина, Н. Г. Мельникова. — Вологда : ВоГУ, 2014. — 159 с. — ISBN 978-5-89791-128-8.
12. Народное устно-поэтическое творчество, 1965 — *Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края* : сказки, песни, частушки. В 2 т. / Под ред. В. В. Гуры. — Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1965. — Т. 1. — 332 с.
13. СВГ — *Словарь вологодских говоров* / науч. ред. Т. Г. Паникаровская. Л. Ю. Зорина. — Вологда : Вологодский государственный педагогический институт ; Вологодский государственный педагогический университет, 1983—2007. — Выпуск 1—12.

14. Сказки и песни Вологодской области, 1955 — *Сказки и песни Вологодской области* / сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. — Вологда : Областная книжная редакция, 1955. — 272 с.
15. Соколовы, 1915 — *Песни и сказки Белозерского края* / Зап. Борис и Юрий Соколовы. — Москва : Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1915. — 665 с.
16. Сравнительный указатель, 1979 — *Сравнительный указатель сюжетов* : Восточнославянская сказка / АН СССР. Отделение лит. и яз. Науч. совет по фольклору ; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1979. — 437 с.
17. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / Науч. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2016. — Т. 1—49.
18. Устное народное творчество Вологодского края, 2002 — *Устное народное творчество Вологодского края*. — Вологда : Издательский центр ВИРО, 2002. — Выпуск 2. Волшебные сказки. — 238 с.
19. Черепанова, 1996 — *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера* / сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. — 212 с.
20. Чубинский, 1878 — *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные действ. чл. П. П. Чубинским*. — Санкт-Петербург : Типография Майкова, 1878. — Том II. Малорусские сказки. — 688 с.
21. *Шустиков А. А.* Сказания и сказки Вельского уезда / А. А. Шустиков // Живая старина. — 1895. — Выпуск 2. — С. 203—211.

Литература

1. *Ганичева С. А.* Опыт речевого портрета уроженца Вологодской области / С. А. Ганичева // Вестник Вологодского государственного университета. Серия : Гуманитарные, общественные, педагогические науки. — 2016. — № 3 (3). — С. 61—64.
2. *Ганичева С. А.* К вопросу о диалектной основе в языковой личности выходцев из деревни / С. А. Ганичева // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2019. — № 6 (93). — С. 43—54.
3. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 1997. — 912 с. — ISBN 5-85759-056-6.
4. *Пропп В. Я.* Указатель сюжетов / В. Я. Пропп // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 т. — Москва : Гослитиздат, 1958. — Т. 3. — С. 454—501.
5. *Черепанова О. А.* Верлиока / О. А. Черепанова // Язык русского фольклора : межвузовский сборник. — Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1982. — 165 с.
6. *Черепанова О. А.* Культурная память в древнем и новом слове : исследования и очерки / О. А. Черепанова. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. — 331 с. — ISBN 5-288-03950-X.

*Статья поступила в редакцию 06.02.2023;
одобрена после рецензирования 04.03.2023;
подготовлена к публикации 20.03.2023.*

Material resources

- Afanasyev, 1958 — *Folk Russian fairy tales of A. N. Afanasyev in 3 volumes, 1—3*. (1958). Moscow: State Publishing House of Fiction. (In Russ.).
- Andreev, N. P. (1929). *Index of fairy-tale plots according to the Aarne system*. Leningrad: Publication of the State Russian Geographical Society. 120 p. (In Russ.).
- Burtsev, 1895 — *Village fairy tales of peasants of Vologda province*. (1895). St. Petersburg. 330 p. (In Russ.).
- Cherepanova, 1996 — *Mythological stories and legends of the Russian*. (1996). St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 212 p. (In Russ.).
- Chubinsky, 1878 — *The works of an ethnographic and statistical expedition to the West Russian Region. Southwest Department, II. Little Russian fairy tales*. (1878). St. Petersburg: Maykov Printing House. 688 p. (In Russ.).
- Comparative index of plots, 1979 — *Comparative index of plots: An East Slavic fairy tale*. (1979). Leningrad: Nauka. Leningr. Department. 437 p. (In Russ.).
- Dobrovolsky, 1891 — Smolensk Ethnographic collection. (1891). In: *Notes of the Imperial Russian Geographical Society, XX (1)*. St. Petersburg: Printing House E. Evdokimova. 808 p. (In Russ.).
- Edemsky, M. B. (1912). Seventeen fairy tales recorded in Totemsky uyezd in 1905—1908. *Zhivaya starina, 2—4*: 211—258. (In Russ.).
- Fairy tales and songs of the Vologda region, 1955 — *Fairy tales and songs of the Vologda region*. (1955). Vologda: Regional Book Editorial Office. 272 p. (In Russ.).
- Folk oral and poetic creativity, 1965 — *Folk oral and poetic creativity of the Vologda region: fairy tales, songs, ditties. In 2 vols, 1*. (1965). Arkhangelsk: North-Western Book Publishing House. 332 p. (In Russ.).
- Ganicheva, S. A. (2015). *Materials for the dictionary of a native of the Kirillovsky district of the Vologda region*. Available at: <https://isign.vogu35.ru/dict/index.htm> (accessed 23.09.2022). (In Russ.).
- Ivanitsky, 1960 — *Songs, fairy tales, proverbs, sayings and riddles collected by N. A. Ivanitsky in the Vologda province*. (1960). Vologda: Vologda Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).
- Manzhura, 1890 — *Fairy tales, proverbs, etc., recorded in the Yekaterinoslav and Kharkov gubernias by I. I. Manzhura*. (1890). Kharkiv: Printing house of K. Schasni. 198 p. (In Russ.).
- Narodnaya rech, 2014 — *Narodnaya rech of the Vologda Region: dialects of the Kirillovsky district of the Vologda region: monograph*. (2014). Vologda: VSU. 159 p. ISBN 978-5-89791-128-8. (In Russ.).
- Oral folk art of the Vologda Region, 2002 — *Oral folk art of the Vologda region, 2. Fairy tales*. Vologda: VIRO Publishing Center. 238 p. (In Russ.).
- Shustikov, A. A. (1895). Tales and fairy tales of the Velsky district. *Zhivaya starina, 2*: 203—211. (In Russ.).
- Sokolov, 1915 — *Songs and fairy tales of the Belozersky region*. (1915). Moscow: Ed. Departments of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. 665 p. (In Russ.).
- SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects, 1—49*. (1965—2016). Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).
- SVG — *Dictionary of Vologda dialects, 1—12*. (1983—2007). Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Vologda State Pedagogical University. (In Russ.).
- Vologda fairy tales, 2008 — *Vologda fairy tales of the late XX — early XXI century*. (2008). Voskresenskoye: Department of Culture of the Vologda region; Inter—settlement

Center of Traditional Folk Culture of the Cherepovets Municipal district. 307 p. ISBN 5-94022-023-1. (In Russ.).

Zelenin, 1915 — Great Russian fairy tales of Vyatka province: a collection. (1915). In: *Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography, XLII*. St. Petersburg: A. V. Orlov Printing House. 682 p. (In Russ.).

References

Cherepanova, O. A. (2005). *Cultural memory in the ancient and new word: research and essays*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 331 p. ISBN 5-288-03950-X. (In Russ.).

Cherepanova, O. A. (1982). Verlioka. In: *The language of Russian folklore: an interuniversity collection*. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Press. 165 p. (In Russ.).

Ganicheva, S. A. (2016). Experience of a speech portrait of a native of the Vologda region. *Bulletin of Vologda State University. Series: Humanities, social sciences, pedagogical sciences*, 3 (3): 61—64. (In Russ.).

Ganicheva, S. A. (2019). On the question of the dialect basis in the linguistic personality of people from the village. *Bulletin of Cherepovets State University*, 6 (93): 43—54. (In Russ.).

Gura, A. V. (1997). *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Moscow: Indrik. 912 p. ISBN 5-85759-056-6. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1958). Index of plots. In: *Folk Russian tales of A. N. Afanasyev in 3 volumes*, 3. Moscow: Goslitizdat. 454—501. (In Russ.).

*The article was submitted 06.02.2023;
approved after reviewing 04.03.2023;
accepted for publication 20.03.2023.*